

Самюэль Хантингтон. Столкновение цивилизаций

Этот историко-философский трактат посвящен устройству мира после холодной войны. Автор обосновывает идею многополярного мира, включающего 8 цивилизаций: западную, китайскую, японскую, индуистскую, исламскую, православную, латиноамериканскую и африканскую. Книга стала бестселлером 90-х, и довольно широко цитируется. В вышедшей недавно книге Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона [Почему одни страны богатые, а другие бедные](#) работа Хантингтона рассматривается, как заложившая основу культурологического подхода в объяснении устройства мира. Автор останавливается и на взаимоотношениях России и Украины, и говорит о том, что конфликт маловероятен. Он скорее предсказывает культурный разлом Украины на западную (униатскую) и восточную (православную) части.

Самюэль Хантингтон. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2016. – 640 с.

Купить цифровую книгу в [ЛитРес](#), бумажную книгу в [Ozon](#) или [Лабиринте](#)

ЧАСТЬ I. МИР ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 1. Новая эра мировой политики

Основная идея этого труда заключается в том, что в мире после «холодной войны» культура и различные виды культурной идентификации определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта. В пяти частях книги выводятся следствия из этой главной предпосылки.

1. Впервые в истории глобальная политика и многополюсна, и полицивилизационна; модернизация отделена от «вестернизации» — распространения западных идеалов и норм не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации незападных обществ.
2. Баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций; демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для мусульманских стран и их соседей; не-западные цивилизации вновь подтверждают ценность своих культур.
3. Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций.
4. Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным — с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью — между мусульманами и не-мусульманами, вызывают «сплочение родственных стран», угрозу дальнейшей эскалации конфликта и, следовательно, усилия основных стран прекратить эти войны.

5. Выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентификацию и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также их объединения для сохранения цивилизации против вызовов незападных обществ. Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания.

«Международная система двадцать первого века, – заметил Генри Киссинджер, – будет состоять по крайней мере из шести основных держав – Соединенных Штатов, Европы, Китая, Японии, России и, возможно, Индии, а также из множества средних и малых государств». Шесть держав Киссинджера принадлежат к пяти различным цивилизациям, и кроме того, есть еще важные исламские страны, чье стратегическое расположение, большое население и запасы нефти делают их весьма влиятельными фигурами мировой политики. В этом новом мире локальная политика является политикой этнической, или расовой, принадлежности; глобальная политика — это политика цивилизаций. Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций.

В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации. Насилие между странами и группами и группами из различных цивилизаций, однако, несет с собой потенциал эскалации, так как другие страны и группы из этих цивилизаций призывают к помощи своих «братских стран».

Страны с западнохристианскими корнями добиваются успеха в экономическом развитии и установлении демократии; перспективы экономического и политического развития в православных странах туманны; перспективы мусульманских стран и вовсе безрадостны.

Считать, что картина мировой политики после «холодной войны» определяется только культурными факторами – это упрощение. Но для вдумчивого анализа ситуации в мире и эффективного воздействия на нее необходима какая-то упрощенная карта реальности, какая-то теория, модель, парадигма. Интеллектуальный и культурный прогресс, как показал Томас Кун в своем классическом труде [Структура научных революций](#), состоит из замены одной парадигмы, которая перестала находить объяснения новым или вновь открытым фактам, иной парадигмой, которая более удовлетворительно толкует эти факты.

К концу «холодной войны» было разработано несколько карт, или парадигм, мировой политики. Одна широко озвученная парадигма была основана на предпосылке, что конец «холодной войны» означал конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармоничного мира. Иллюзия гармонии времен окончания «холодной войны» вскоре развеялась — этому способствовали многочисленные этнические конфликты. Парадигма гармоничного мира слишком оторвана от реальности, чтобы быть полезным ориентиром в мире после «холодной войны».

Два мира: мы и они. Наиболее общее деление, которое проявляется под множеством названий, — противопоставление богатых (современных, развитых) стран бедным (традиционным, неразвитым или развивающимся). Историческим соответствием этому экономическому делению стало культурное деление на Восток и Запад, где акцент делается в меньшей степени на различия в экономическом благосостоянии и в большей — на различия в основополагающей философии, ценностях и стиле жизни.

Экономическое развитие Азии и Латинской Америки делает неясной простую дихотомию «имею — не имею». Богатые страны могут вести торговые войны друг с другом; бедные страны могут вести кровопролитные войны друг с другом; но международная классовая война между бедным Югом и процветающим Западом настолько же далека от реальности, как и гармоничный мир. Мир слишком сложен, чтобы его можно было в большинстве случаев просто разделять в экономическом плане на Север и Юг и в культурном — на Восток и Запад.

Третья карта мира после «холодной войны» была порождена теорией международных отношений, которую часто называют «реалистичной». Согласно этой теории, государства являются основными, даже единственными важными игроками на международной сцене, взаимоотношения между странами — полная анархия, поэтому для того, чтобы обеспечить выживание и безопасность, все без

исключения государства пытаются усилить двоякую власть. Такой подход называется статистическим. Однако, государственные власти в значительной мере утратили возможность контролировать поток денег, текущих в их страны и наружу, и сталкиваются со все большими трудностями в контроле потока идей, технологий, товаров и людей. Государственные границы стали максимально прозрачны. Все эти изменения привели к тому, что многие стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства-«бильярдного шара», и возникновения сложного, разнообразного и многоуровневого международного порядка.

Ослабление государств и появление «обанкротившихся стран» наводит на мысли о всемирной анархии как четвертой модели. Главные идеи этой парадигмы: исчезновение государственной власти; распад государств; усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов; появление международных криминальных мафиозных структур; рост числа беженцев. И все же, картина всеобщей и недифференцированной анархии дает нам мало ключей к пониманию мира и не помогает упорядочивать события и оценивать их важность, предвидеть тенденции в этой анархии, находить различия между типами хаоса и их возможными причинами и последствиями, а также разрабатывать руководящие принципы для государственных политиков.

Эти четыре парадигмы несовместимы друг с другом. Либо мир един, либо их два, либо это 184 государства, либо это бесконечное количество племен, этнических групп и национальностей. Рассматривая мир в рамках семи или восьми цивилизаций, мы избегаем множества подобных сложностей. Эта модель не приносит реальность в жертву теоретизированию.

Различные парадигмы позволяют сделать прогнозы, точность которых и является ключевой проверкой работоспособности и пригодности теории. Статистический подход, например, позволил Джону Мирсхаймеру предположить, что «отношения между Россией и Украиной сложились таким образом, что обе страны готовы развязать соперничество по вопросам безопасности. Великие державы, которые имеют одну общую протяженную и незащищенную границу, часто втягиваются в противостояние из-за вопросов безопасности. Россия и Украина могут преодолеть эту динамику и сосуществовать в гармонии, но это будет весьма необычным развитием ситуации».

Полицивилизационный подход, напротив, делает акцент на весьма тесных культурных и исторических связях между Россией и Украиной. Этот давно известный ключевой исторический факт Мирсхаймер полностью игнорирует в полном соответствии с «реалистической» концепцией государств как цельных и самоопределяющихся объектов, фокусируясь на цивилизационной «линии разлома», которая делит Украину на православную восточную и униатскую западную части. В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает ее до минимума и подчеркивает возможность раскола Украины. Учитывая культурный фактор, можно предположить, что при этом разделении будет больше насилия, чем при распаде Чехословакии, но оно будет куда менее кровавым, чем развал Югославии (напомню, что книга написана в 1996 г.).

Глава 2. История и сегодняшний день цивилизаций

Человеческая история — это история цивилизаций. В течение всей истории цивилизации предоставляли для людей наивысший уровень идентификации. В результате этого истоки, возникновение, подъем, взаимодействие, достижения, закат и падение цивилизаций обстоятельно изучались выдающимися историками, социологами и антропологами, среди которых были: Макс Вебер (см. [Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма](#)), Эмиль Дюркгейм, Освальд Шпенглер, Питирим Сорокин, Арнольд Тойнби (см. [Арнольд Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории](#)) и др.

Идея цивилизации была разработана французскими философами восемнадцатого века как противопоставление концепции «варварства». Цивилизованное общество отличается от примитивного тем, что оно оседлое, городское и грамотное. Но в то же самое время люди все чаще говорили о цивилизациях во множественном числе. Понятие «цивилизация» «утратило свойства ярлыка» и одна из множества цивилизаций может на самом деле быть довольно нецивилизованной в прежнем смысле этого слова.

Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира; и люди общей этнической принадлежности и общего языка, но разного

вероисповедания, могут вести кровопролитные братоубийственные войны, как это случилось в Ливане, бывшей Югославии и в Индостане.

Пока цивилизации противостоят натиску времени, они эволюционируют. Куигли видит семь стадий, сквозь которые проходят цивилизации: смесь, созревание, экспансия, время конфликта, всеобщая империя, упадок и завоевание. Тойнби считает, что цивилизация возникает в ответ на брошенные ей вызовы и затем проходит сквозь период роста, включающий усиление контроля над средой, чем занимается творческая элита, далее следует время беспорядков, возникновение всеобщего государства, а затем — распад.

Сделав обзор литературы, Мелко приходит к заключению, что существует «разумное согласие» относительно двенадцати важнейших цивилизаций, из которых семь уже исчезли (месопотамская, египетская, критская, классическая, византийская, центральноамериканская, андская), а пять продолжают существовать (китайская, японская, индуистская, исламская и западная). К этим пяти цивилизациям целесообразно добавить православную, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизации.

Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианства по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе.

Взаимоотношения между цивилизациями уже эволюционировали сквозь две фазы и сейчас находятся на третьей. На протяжении более чем трех тысяч лет после того, как впервые появились цивилизации, контакты между ними, за некоторыми исключениями, либо не существовали вовсе и были ограничены, либо были периодическими и интенсивными.

Европейское христианство стало возникать как отдельная цивилизация в VIII–IX вв. На протяжении нескольких веков, однако, она плелась позади многих других цивилизаций по своему уровню развития. Китай при династиях Тан, Сун и Мин, исламский мир с восьмого по двенадцатый век и Византия с восьмого века по одиннадцатый далеко опережали Европу по накопленному богатству, размерам территории и военной мощи, а также художественным, литературным и научным достижениям. К 1500 году возрождение европейской культуры уже шло полным ходом, а социальный плюрализм, расширяющаяся торговля и технологические достижения заложили основу для новой эры глобальной политики. Случайные, непродолжительные и разноплановые контакты между цивилизациями уступили место непрерывному, всепоглощающему однонаправленному воздействию Запада на все остальные цивилизации.

На протяжении четырехсот лет отношения между цивилизациями заключались в подчинении других обществ западной цивилизации. Причины такого уникального и драматического развития крылись в социальной структуре и межклассовых отношениях на Западе, расцвете городов и торговли, относительной рассредоточенности власти между вассалами и монархами, а также светскими и религиозными властями, в зарождающемся чувстве национального самосознания у западных народов и развитии государственных бюрократий. Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут.

В двадцатом веке взаимоотношения между цивилизациями перешли от фазы, характеризующейся однонаправленным влиянием одной цивилизации на все остальные, к этапу интенсивных, непрерывных и разнонаправленных взаимоотношений между всеми цивилизациями.

В 1918 году Шпенглер развеял превалирующий на Западе близорукий взгляд на историю с ее четким делением на античный, средневековый и современный периоды. Он говорил о необходимости установить вместо «пустого вымысла об одной линейной истории — драму нескольких могущественных держав». Иллюзии двадцатого века расцвели и превратились в широко распространенную и ограниченную по сути концепцию о том, что европейская цивилизация Запада есть универсальная цивилизация мира.

Глава 3. Универсальная цивилизация? Модернизация и вестернизация

Некоторые считают, что в современном мире происходит становление «универсальной цивилизацией». Этот термин подразумевает культурное объединение человечества и все возрастающее принятие людьми всего мира общих ценностей, верований, порядков, традиций и институтов.

Центральными элементами любой культуры или цивилизации являются язык и религия. Если сейчас зарождается универсальная цивилизация, значит, должны иметь место тенденции к возникновению универсального языка и универсальной религии. Однако это не так (рис. 1 и 2).

Язык	1958	1970	1980	1992
Арабский	2.7	2.9	3.3	3.5
Бенгальский	2.7	2.9	3.2	3.2
Английский	9.8	9.1	8.7	7.6
Хинди	5.2	5.3	5.3	6.4
Мандаринский	15.6	16.6	15.8	15.2
Русский	5.5	5.6	6.0	4.9
Испанский	5.0	5.2	5.5	6.1

Рис. 1. Носители наиболее распространенных языков (в % от мирового населения)

Религия	1900	1970	1980	1985 (прогноз)	2000 (прогноз)
Западное христианство	26,9	30,6	30,0	29,7	29,9
Православное христианство	7,5	3,1	2,8	2,7	2,4
Мусульманство	12,4	15,3	16,5	17,1	19,2
Неверующие	0,2	15,0	16,4	16,9	17,1
Индуизм	12,5	12,8	13,3	13,5	13,7
Буддизм	7,8	6,4	6,3	6,2	5,7
Китайские народные религии	23,5	5,9	4,5	3,9	2,5
Племенные верования	6,6	2,4	2,1	1,9	1,6
Атеисты	0,0	4,6	4,5	4,4	4,2

Рис. 2. Процентное соотношение мирового населения, следующего основным религиозным традициям

В конце двадцатого столетия концепция универсальной цивилизации помогает оправдывать западное культурное господство над другими обществами и необходимость для этих обществ копировать западные традиции и институты. Наивной глупостью является мысль о том, что крах советского коммунизма означает окончательную победу Запада во всем мире, победу, в результате которой мусульмане, китайцы, индийцы и другие народы ринутся в объятия западного либерализма как единственной альтернативы.

Увеличивает или снижает торговля вероятность конфликта? Факты не подтверждают либеральное, интернационалистическое допущение о том, что коммерция несет с собой мир (Томас Фридман в книге [Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века](#) считает иначе. Он приводит в качестве примера конфликт между Индией и Пакистаном, во время которого коммерческое лобби Индии, боясь убытков, смогло оказать влияние на правительство. В результате конфликт не перешел в военную фазу).

Глобальное религиозное возрождение, «возвращение к святыням», является ответом на тенденцию восприятия мира как «единого целого».

Экспансия Запада повлекла за собой модернизацию и вестернизацию не-западных обществ. Ответную реакцию политических и интеллектуальных лидеров этих обществ на влияние Запада можно отнести к одному из трех вариантов: отторжение как модернизации, так и вестернизации (Япония до середины XIX в.); принятие и того, и другого с распростертыми объятиями (Турция Кемала Ататюрка); принятие первого и отторжение второго (Япония начала XX в.). Как выразился Бродель, было бы наивно думать, что модернизация или «триумф цивилизации может привести к окончанию множественности исторических культур, воплотившихся за столетия в величайшие мировые

цивилизации. Модернизация, напротив, усиливает эти культуры и сокращает относительное влияние Запада. На фундаментальном уровне мир становится более современным и менее западным.

ЧАСТЬ 2. СМЕШАЮЩИЙСЯ БАЛАНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 4. Упадок запада: могущество, культура и индигенизация¹

Сейчас господство Запада неоспоримо, и он останется номером один в плане могущества и влияния также и в двадцать первом веке. Однако постепенные, неотвратимые и фундаментальные перемены также имеют место в балансе власти между цивилизациями, и могущество Запада по сравнению с мощью других цивилизаций будет и дальше снижаться.

Пик западного контроля над ресурсами пришелся на 1920-е годы и с тех пор нерегулярно, но значительно снижается. В 2020-х годах, через сто лет после пика, Запад скорее всего будет контролировать около 24% мировой территории (вместо 49% во время пика), 10% населения мира (вместо 48%) и, пожалуй, около 15–20% социально мобилизованного населения, порядка 30% мирового экономического продукта (во время пика — около 70%), возможно, 25% выпуска продукции обрабатывающей промышленности (на пике — 84%) и менее 10% от всеобщего количества военнослужащих (было 45%).

Распределение культур в мире отражает распределение власти. Американская гегемония сходит на нет. Далее следует свертывание западной культуры. Усиление могущества не-западных обществ, вызванное модернизацией, приводит к возрождению не-западных культур во всем мире. Одновременно с упадком западного могущества снижается также и способность Запада навязывать западные представления о правах человека, либерализме и демократии другим цивилизациям, а также уменьшается и привлекательность этих ценностей для других цивилизаций.

Глава 5. Экономика, демография и цивилизации, бросающие вызов

Возрождение религии — глобальный феномен. Однако наиболее ярко он проявился в культурном утверждении Азии и ислама, а также тех вызовах, которые он бросают Западу. Это самые динамичные цивилизации последней четверти двадцатого века. Исламский вызов выражается во всеобъемлющей культурной, социальной и политическим Исламское возрождение в мусульманском мире и сопровождающем этот процесс отвержении западных ценностей и институтов. Азиатский вызов присущ всем восточноазиатским цивилизациям — синской, японской, буддистской и мусульманской — и делает акцент на их культурные отличия от Запада.

Каждый из этих вызовов имеет в высшей степени дестабилизирующий эффект на глобальную политику и будет продолжать оказывать его и в двадцать первом веке. Однако природа этих вызовов значительно различается. Экономическое развитие Китая и других азиатских стран дает их правительствам стимул и средства для того, чтобы быть более требовательными во взаимоотношениях с другими государствами. Рост населения в мусульманских странах, особенно увеличение возрастной группы от 15 до 24 лет, обеспечивает людьми ряды фундаменталистов, террористов, повстанцев и мигрантов. Экономический рост прибавляет сил азиатским правительствам; демографический рост представляет собой угрозу как мусульманских правительств, так и немусульманских стран.

Для жителей Восточной Азии экономическое преуспевание является доказательством морального превосходства. Если в какой-то момент Индия отберет у Восточной Азии титул наиболее быстроразвивающегося региона в мире, то мир должен быть готовым ко всесторонним исследованиям, посвященным вопросам превосходства индусской культуры, вкладу кастовой системы в экономическое развитие и тому, как возвращение к корням и отказ от губительного западного наследия, оставленного британским империализмом, наконец-то помогли Индии занять должное место среди ведущих цивилизаций. Культурное утверждение следует за материальным успехом; жесткая власть рождает мягкую власть.

---

¹ **Индигенизация** (букв. отземливание) — термин теоретической антропологии, обозначает локальные тенденции на культурное обособление и цивилизационную независимость. Индигенизация противоположна таким интегральным процессам как ассимиляция, глобализация, вестернизация, прозелитизм и пр. Исторически является постоянным спутником растущих и разрушающихся империй и государств. Одним из примеров индигенизации можно считать африканизацию.

Исламское возрождение по своему размаху и глубине — это последняя фаза в приспособлении исламской цивилизации к Западу, попытка найти «решение» не в западных идеологиях, а в исламе. Она состоит из принятия современности, отвержения западной культуры и возвращению к исламу как проводнику в жизни и в современном мире. Исламский «фундаментализм», который часто воспринимается как политический ислам, является всего лишь одной из составляющих в намного более всестороннем процессе возрождения исламских идей, обычаев и риторики, а также возвращения мусульманского населения к исламу. Исламское возрождение — это основное направление, а не экстремизм.

ЧАСТЬ 3. ВОЗНИКАЮЩИЙ ПОРЯДОК ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 6. Культурная перестройка структуры глобальной политики

Под влиянием модернизации, глобальная политика сейчас выстраивается по-новому, в соответствии с направлением развития культуры. Народы и страны со схожими культурами объединяются, народы и страны с различными культурами распадаются на части. Объединения с общими идеологическими установками или сплотившиеся вокруг сверхдержав уходят со сцены, уступая место новым союзам, сплотившимся на основе общности культуры и цивилизации. Культурные сообщества приходят на смену блокам времен «холодной войны», и линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике.

Можно выделить четыре степени экономической интеграции (по мере возрастания): зоны свободной торговли; таможенные союзы; общие рынки; экономические союзы.

Подробно племенам и нациям, цивилизации имеют политическую структуру. *Страна-участница* — это страна, которая в культурном плане полностью отождествляет себя с одной цивилизацией, как Египет с арабско-исламской цивилизацией, а Италия — европейско-западной. В цивилизациях обычно есть одно или более мест, которые рассматриваются ее членами как основной источник или источники культуры этой цивилизации. Такие источники обычно расположены в одной *стержневой стране* или странах цивилизации, то есть наиболее могущественной и центральной в культурном отношении стране или странах.

Глубокое разделение может возникнуть в *расколотой стране*, где большие группы принадлежат к различным цивилизациям: Индия (мусульмане и индуисты), Шри-Ланка (буддисты-сингальцы и индуисты-тамилы), Малайзия и Сингапур (мусульмане-малайцы и китайцы), Югославия и Советский Союз до их распада.

Разорванная страна имеет у себя одну господствующую культуру, которая соотносит ее с одной цивилизацией, но ее лидеры стремятся к другой цивилизации. Россия была разорванной страной со времен Петра Великого. Классической разорванной страной является страна Мустафы Кемаля, которая с 1920 годов пытается модернизироваться, вестернизироваться и стать частью Запада.

Чтобы разорванная страна могла переопределить свою цивилизационную идентичность, должны быть выполнены как минимум три условия. Во-первых, политическая и экономическая элита страны должна с энтузиазмом воспринимать и поддерживать данное стремление. Во-вторых, общество должно по крайней мере молча соглашаться с переопределением идентичности (или стремиться к этому). В-третьих, преобладающие элементы в принимающей цивилизации (в большинстве случаев это Запад) должны хотя бы желать принять новообращенного. На данный момент этот процесс нигде не увенчался успехом.

Глава 7. Стержневые государства, концентрические круги и цивилизационный порядок

Стержневые страны цивилизаций являются источниками порядка внутри цивилизаций, а также влияют на установление порядка между цивилизациями путем переговоров с другими стержневыми государствами. Отсутствие стержневого исламского государства, которое могло бы официально и легитимно поддерживать боснийцев, как Россия — сербов и Германия — хорватов, заставила Соединенные Штаты попытаться играть эту роль. Отсутствие стержневых государств в африканском и арабском мире значительно усложнили проблему окончания продолжающейся гражданской войны в Судане.

Определение восточной границы Запада в Европе стало одним из наиболее важных вопросов, с которыми столкнулся Запад после «холодной войны». Эта граница должна проходить между

католической и протестантскими регионами с одной стороны, и православием и мусульманством, с другой (рис. 3).

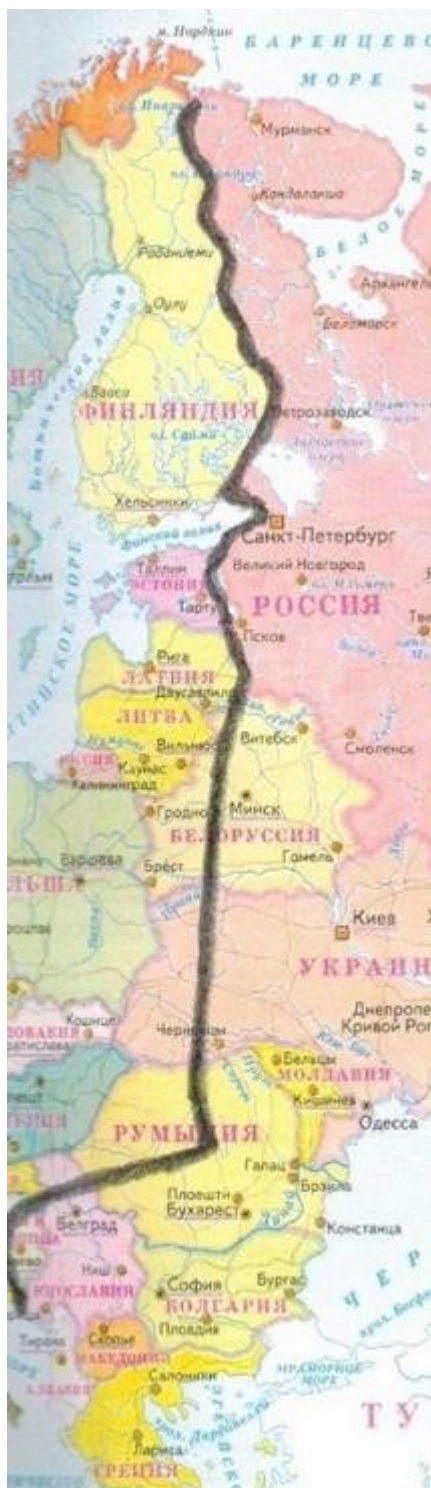

Рис. 3. Восточная граница западной цивилизации в Европе

На Западе вершиной политической лояльности было национальное государство. Группы, выходящие за рамки национального государства — языковые или религиозные сообщества, или цивилизации, — вызывают к себе не такое сильное доверие и преданность. Центрами лояльности и преданности в исламе всегда были небольшие группы и великая вера, а национальное государство не имело такого большого значения. В арабском мире существующие государства имеют проблемы с легитимностью, потому что они в основной массе — результат европейского империализма. Границы арабских стран не всегда совпадают с границами этнических групп, таких, например, как берберы или курды.

Отсутствие исламского стержневого государства — основная причина продолжающихся внутренних и внешних конфликтов, присущих исламу. Осознание без сплоченности — вот источник слабости ислама и источник, от которого исходит угроза другим странам. В качестве вероятного исламского

лидера время от времени упоминаются шесть стран, однако в настоящее время ни одна из них не обладает всеми необходимыми качествами для того, чтобы по-настоящему стать стержневым государством: Индонезия, Египет, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и Турция. Последняя обладает историей, населением, средним уровнем экономического развития, национальным единством, военными традициями и компетенцией, чтобы стать стержневым государством ислама. Однако Ататюрк, четко определив Турцию как светскую страну. В какой-то момент Турция может отказаться от своей угнетающей и унижительной роли просителя, умоляющего Запад о членстве в ЕС, и вернуться к более впечатлительной и возвышенной исторической роли основного исламского представителя и антагониста Запада. Возможно, для этого потребуются лидер масштаба Ататюрка, который объединит религиозное и политическое наследие, чтобы превратить Турцию из разорванной страны в стержневое государство.

ЧАСТЬ 4. СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 8. Запад и остальные: межцивилизационные вопросы

Самые опасные столкновения в будущем, скорее всего, будут происходить из-за заносчивости Запада, нетерпимости ислама и синской самоуверенности. По мере того как относительное влияние других цивилизаций возрастает, утрачивается привлекательность западной культуры, и не-западные жители все больше доверяют своим исконным культурам и все больше преданы им. В результате этого основной проблемой взаимоотношений между Западом и остальными стало несоответствие между стремлением Запада — особенно Соединенных Штатов — насаждать универсальную западную культуру и все снижающейся способностью делать это.

Америка полагает, что не-западные народы должны перенять западные ценности демократии, свободного рынка, контролируемого правительства, прав человека, индивидуализма, господства права и затем должны воплотить все эти ценности в своих институтах. Но в не-западных культурах преобладает другое отношение к этим ценностям: от широко распространенного скептицизма до жесткого противодействия. То, что для Запада — универсализм, для остальных — империализм.

Запад пытается и будет продолжать пытаться сохранить свое высокое положение и защищать свои интересы, называя их интересами «мирового сообщества». Это выражение стало эвфемизмом (заменив «свободный мир») и призвано придать иллюзию правомочности в глазах всего мира действиям, отражающим интересы США и других западных держав.

Жители не-Запада также не упускают случая указать на расхождение между принципами и поступками Запада. Лицемерие, двойные стандарты, излюбленный оборот «да, но...» — вот цена претензий на универсализм. Да, мы поддерживаем демократию, но только если она не приводит к власти исламский фундаментализм; да, принцип нераспространения должен касаться Ирана и Ирака, но не Израиля; да, свободная торговля — это эликсир экономического роста, но только не в сельском хозяйстве; да, права человека — это проблема в Китае, но не в Саудовской Аравии; да, нужно срочно отразить агрессию против обладающего нефтью Кувейта, но не нападение на обделенных нефтью боснийцев. Двойные стандарты на практике — это неизбежная цена универсальных стандартных принципов.

Ислам и Китай обладают великими культурными традициями, очень отличными от традиций Запада и, в их глазах, намного превосходящими традиции Запада. Мощь и самоуверенность обеих цивилизаций по отношению к Западу растут, и конфликты между их ценностями и интересами, а также ценностями и интересами Запада становятся все более многочисленными и напряженными.

Вопросы, которые разделяют Запад и другие общества, все острее стоят на повестке дня в международных отношениях. Три подобных вопроса включают попытки Запада: (1) сохранить военное превосходство при помощи политики нераспространения и контрраспространения по отношению к ядерному, биологическому и химическому вооружению, а также средств их доставки; (2) распространить западные ценности и институты, вынуждая другие общества уважать права человека, как их понимают на Западе, и принять демократию по западной модели; (3) защитить культурную, общественную и этническую целостность западных стран, ограничив количество въезжающих в них жителей незападных обществ в качестве беженцев или иммигрантов. Во всех этих трех областях Запад сталкивается и, скорее всего, будет продолжать сталкиваться с проблемами по защите своих интересов перед не-западными обществами.

Запад представляет принцип нераспространения как отражающий интересы всех наций в международном порядке и стабильности. Однако другие нации рассматривают нераспространение как обслуживание интересов гегемонии Запада. На 1995 год Соединенные Штаты и Запад остаются приверженцами политики сдерживания, которая в конце концов обязательно провалится. Распространение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения — это центральная составляющая медленного, но неминуемого рассеивания силы в полицивилизационном мире.

Рост экономики азиатских стран делает их все больше невосприимчивыми к давлению Запада в области прав человека и демократии. Так, например, Швеция в 1990 году от имени двадцати западных стран внесла на рассмотрение резолюцию, осуждающую военный режим в Мьянме, но оппозиция, состоящая из азиатских и некоторых других стран, «похоронила» эту инициативу. Резолюции, осуждающие Ирак за нарушение прав человека, также отклонялись при голосовании, и на протяжении добрых пяти лет в 1990-х Китаю удавалось мобилизовать азиатскую помощь для того, чтобы отклонить выдвигаемые Западом резолюции, выражающие озабоченность нарушением прав человека в этой стране. Другие страны, где совершаются убийства, также выходят сухими из воды: Турция, Индонезия, Колумбия и Алжир — все избежали критики.

Европейцы девятнадцатого века были доминирующей расой по демографическому вторжению. С 1821 по 1924 год около 55 миллионов европейцев мигрировали за океан, около 35 миллионов из них — в Соединенные Штаты. Жители Запада покоряли и порой уничтожали другие народы, исследовали и обживали менее густонаселенные земли. Экспорт людей был, пожалуй, наиболее важным аспектом расцвета Запада с шестнадцатого по двадцатое столетие. Конец двадцатого века ознаменовался другой, еще большей волной миграции. В 1990 году количество легальных международных мигрантов составило 100 миллионов.

В 1990 году в Соединенных Штатах проживало около 20 млн иммигрантов первого поколения, в Европе — 15,5 млн, и еще 8 млн. в Австралии и Канаде. Количество иммигрантов относительно коренного населения в основных европейских странах достигло 7—8 процентов. В Соединенных Штатах иммигранты составляли 8,7% населения в 1994 году (в 1970 было вдвое больше), а их доля в Калифорнии и Нью-Йорке составляла 25% и 16% соответственно. Новые иммигранты приезжают в основном из не-западных обществ.

Жители Европы все больше боятся того, что «на них обрушилось нашествие не армий и танков, а мигрантов, которые говорят на других языках, молятся другим богам, принадлежат к другим культурам, и возникает страх, что они отберут у европейцев работу, оккупируют их земли, съедят все деньги социального обеспечения и будут угрожать их образу жизни». На долю иммигрантов приходится 10% новорожденных в Западной Европе, а в Брюсселе 50% детей рождаются у родителей-арабов. Мусульманские общины — будь то турецкая в Германии или алжирская во Франции — не интегрировались в принявшие их культуры и практически ничего для этого не делают.

Глава 9. Глобальная политика цивилизаций

Межцивилизационный конфликт принимает две формы. На локальном возникают конфликты по линии разлома: между соседними государствами, принадлежащими к различным цивилизациям, внутри одного государства между группами из разных цивилизаций. На глобальном уровне возникают конфликты между стержневыми государствами — между основными государствами, принадлежащими к различным цивилизациям.

Динамизм ислама представляет собой постоянный источник многих относительно локальных войн по линиям разлома; а возвышение Китая — потенциальный источник крупной межцивилизационной войны между стержневыми странами. Некоторые представители Запада, в том числе и президент Билл Клинтон, утверждали, что у Запада противоречия не с исламом вообще, а только с непримиримыми исламскими экстремистами. Четырнадцать веков истории свидетельствуют об обратном. Отношения между исламом и христианством — как православием, так и католичеством во всех его формах, — часто складывались весьма бурно. Почти тысячу лет, с первой высадки мавров в Испании и вплоть до второй осады турками Вены, Европа находилась под постоянной угрозой со стороны ислама. Ислам является единственной цивилизацией, которая ставила под сомнение выживание Запада, причем случилось это по меньшей мере дважды.

К пятнадцатому веку, однако, прилив сменился отливом. Постепенно христиане вернули себе Иберийский полуостров, выполнив эту задачу в 1492 году у стен Гранады. Одновременно русские покончили с двухсотлетним монголо-татарским владычеством. В последующие годы турки-османы предприняли последний рывок и в 1683 году вновь осадили Вену. Их поражение ознаменовало начало долгого отступления, повлекшего за собой борьбу православных народов на Балканах за освобождение от османского господства, расширение империи Габсбургов и драматическое наступление русских к Черному морю и Кавказу. В итоге Первой Мировой войны Великобритания, Франция и Италия нанесли завершающий удар и установили свое прямое или косвенное правление на оставшихся землях Османской империи, за исключением территории Турецкой республики.

Согласно статистике, за период с 1757 по 1919 год произошло девяносто два приобретения мусульманских территорий немусульманскими правительствами. К 1995 году шестьдесят девять из этих территорий вновь оказались под властью мусульман.

Экономические изменения в Азии, особенно в Восточной, представляют собой наиболее важные события, произошедшие в мире во второй половине двадцатого века. К 1990м годам этот экономический подъем породил экономическую эйфорию среди многих наблюдателей, которые рассматривали Восточную Азию и весь Тихоокеанский регион как постоянно расширяющуюся торговую сеть, которая должна бы гарантировать мир и гармонию среди государств. Это оптимизм основывался на крайне сомнительном допущении, будто торговый взаимобмен неизменно является гарантом мира. Однако, экономический рост порождает политическую нестабильность внутри стран, а также и в отношениях между ними, изменяя сложившийся между странами и регионами баланс сил.

В мире после «холодной войны» зона событий переместилась из Европы в Азию. В одной только Восточной Азии расположены страны, принадлежащие к шести цивилизациям — японской, китайской, православной, буддистской, мусульманской и западной, — а с учетом Южной Азии к ним прибавляется еще и индийская. Стержневые страны четырех цивилизаций — Япония, Китай, Россия и США — являются главными действующими лицами в Восточной Азии; Южная Азия дает еще и Индию; а Индонезия представляет собой находящееся на подъеме мусульманское государство. В результате получается крайне усложненный образчик международных отношений, во многом схожий с тем, который существовал в Европе в восемнадцатом и девятнадцатом веках, и чреватый той непредсказуемостью, что характерна для многополюсных ситуаций.

Во второй половине 1980-х годов и в начале 1990-х годов в отношениях между Соединенными Штатами Америки и азиатскими странами все в большей степени нарастал антагонизм. Особенно в отношениях с Китаем и Японией.

История Китая, его культура, обычаи, размеры, динамизм экономики и самопредставление — все это побуждает Китай занять гегемонистскую позицию в Восточной Азии. Эта цель — естественный результат быстрого экономического развития. На протяжении двух тысяч лет Китай являлся исключительной силой в Восточной Азии. Теперь китайцы все в большей степени заявляют о своих намерениях вновь обрести эту историческую роль и положить конец слишком долгому периоду унижений и зависимости от Запада и Японии, который начался с навязанного Великобританией в 1842 году Нанкинского договора.

Возникновение новых великих держав — процесс всегда крайне дестабилизирующий, и если подобное произойдет, то выход Китая на международную арену затмит собой любые сравнимые явления. «Масштабы изменения положения Китая в мире, — отмечал в 1994 году Ли Кван Ю, — таковы, что мир обретет новый баланс сил в течение 30 или 40 лет. Невозможно делать вид, будто это просто еще один ведущий игрок. Это самый крупный игрок за всю человеческую историю».

Возможно, прошлое Европы есть будущее для Азии. Более вероятно, что прошлое Азии окажется будущим для Азии. Выбор таков: либо баланс сил ценой конфликта, либо мир, залог которого — гегемония одной страны. Западные государства могли выбирать между конфликтом и балансом. История, культура и реалии власти со всей определенностью подводят к предположению, что Азии предстоит сделать выбор в пользу мира и гегемонии. Эра, которая началась с приходом Запада в 1840х и в 1850х годах, подходит к концу, Китай вновь занимает свое место регионального гегемона, а Восток начинает играть подобающую ему роль.

Завершение «холодной войны» потребовало заново определить баланс сил между Россией и Западом, обеим сторонам необходимо также договориться о принципиальном равенстве и разделении сфер влияния. На практике это означало бы, что:

- Россия дает согласие на расширение Европейского Союза и НАТО, с вхождением в них западно-христианских стран Центральной и Восточной Европы, а Запад обязуется не расширять НАТО дальше на восток, если только Украина не расколется на два государства;
- Россия и НАТО заключают между собой договор о партнерстве, в котором будет заявлено о соблюдении принципа ненападения, о проведении регулярных консультаций по проблемам безопасности, о совместных усилиях по предотвращению гонки вооружений и о переговорах по заключению договоренностей об ограничении вооружений, которые отвечали бы требованиям безопасности в эпоху после «холодной войны»;
- Запад соглашается с ролью России как государства, несущего ответственность за поддержание безопасности среди православных стран и в тех районах, где доминирует православие;
- Запад признает существование проблем безопасности, реальных и потенциальных, которые есть у России в отношениях с мусульманскими народами на своих южных рубежах, и выражает готовность пересмотреть Договор по обычным вооружениям в Европе, а также положительно отнестись к другим шагам, на которые России, возможно, потребуется пойти перед лицом подобных угроз;
- Россия и Запад заключают соглашение о паритетном сотрудничестве в разрешении проблем напоподобие Боснии, где затрагиваются как западные, так и православные интересы.

(Как жаль, что это осталось лишь благими намерениями. – *Прим. Багузина*)

Глава 10. От войн переходного периода к войнам по линии разлома

Советско-афганская война 1979–1989 годов и война в Персидском заливе представляли собой войны переходного периода — периода перехода к эпохе, когда будут преобладать этнические конфликты и войны по линиям разлома между группами из различных цивилизаций.

Советский Союз потерпел поражение из-за совокупности трех факторов, которым не сумели противостоять: американская технология, саудовские деньги и мусульманский фанатизм. В наследство от войны достались хорошо обученные и опытные бойцы, тренировочные лагеря и полигоны, служба тылового обеспечения, разветвленные трансисламские сети личных и организационных отношений, большое количество военного снаряжения, в том числе от 300 до 500 ракет к установкам «Стингер», и, что наиболее важно, опьяняющее чувство силы и уверенности в себе, гордость от совершенных деяний и горячее стремление к новым победам.

Война в Персидском заливе превратилась в войну цивилизаций потому, что Запад осуществил военное вмешательство в мусульманский конфликт, представители Запада в подавляющем большинстве поддержали это вмешательство, а мусульмане во всем мире восприняли интервенцию как войну против ислама и выступили единым фронтом против западного империализма. С точки зрения мусульман, агрессия Ирака против Кувейта была семейным делом, которое следует уладить в родственном кругу, а те, кто вмешивается в него, прикрываясь некоей теорией международной справедливости, поступают так, чтобы защитить собственные эгоистические интересы и сохранить зависимость арабов от Запада.

Война в Персидском заливе была первой после «холодной войны» войной за ресурсы между цивилизациями. Решался вопрос: будет ли большая часть крупнейших в мире нефтяных запасов контролироваться саудитами и правительствами эмиратов, чья безопасность зависит от западной военной мощи, или независимыми антизападными режимами, которые в состоянии воспользоваться «нефтяным оружием» против Запада? Запад потерпел неудачу в свержении Саддама Хусейна, но добился определенного успеха, продемонстрировав зависимость безопасности государств Персидского залива от себя и увеличив свое военное присутствие в районе Персидского залива. До войны за влияние в этом регионе соперничали Иран, Ирак, Совет стран Персидского залива и США. После войны Персидский залив превратился в «американское озеро».

Мусульмане составляют около одной пятой от всего населения земного шара, но в 1990-х годах они участвовали в намного большем числе межгрупповых актов насилия, чем люди из любой другой цивилизации (рис. 4). Границы ислама и в самом деле кровавы. К выводу о предрасположенности мусульман к насилию в конфликтах подталкивает и степень милитаризма мусульманских государств.

	Среднее соотношение вооруженных сил*	Средний индекс военных усилий
Мусульманские страны (n = 25)	11,8	17,7
Другие страны (n = 112)	7,1	12,3
Христианские страны (n = 57)	5,8	8,2

Рис. 4. Милитаризм мусульманских и христианских стран; * – численность военнослужащих на 1000 человек; мусульманские и христианские страны – это те страны, в которых более чем 80% населения придерживаются определенной религии.

История то затихающей, то вновь разгорающейся бойни не способна сама по себе объяснить, почему в конце двадцатого века вновь началась полоса насилия. Ведь, как указывали многие, сербы, хорваты и мусульмане десятилетиями спокойно уживались вместе в Югославии. Одним из факторов стали изменения в демографическом балансе. Численный рост одной группы порождает политическое, экономическое и социальное давление на другие группы. Крушение в начале 1970-х годов тридцатилетнего конституционного порядка в Ливане в значительной мере стало результатом резкого прироста шиитского населения относительно христиан-маронитов. На Шри-Ланке, как показал Гэри Фуллер, пик сингалезского националистического мятежа в 1970-х годах и тамильского восстания в конце 1980-х годов в точности совпал с годами, когда «молодежная волна» людей от пятнадцати до двадцати четырех лет в этих группах превосходил 20 процентов от общей численности группы (рис. 5). Аналогичным образом войны по линии разлома между русскими и мусульманскими народами на юге подпитывались значительной разницей в приросте населения. В 1980-х годах численность чеченцев увеличилась на 26 процентов, и Чечня была одним из самых густонаселенных мест в России; высокая рождаемость в республике привела к появлению переселенцев и боевиков.

Рис. 5. Шри-Ланка: «молодежные пики» сингалезцев и тамиллов

В чем причина воинственности ислама? Во-первых, следует помнить, что ислам с самого начала был религией меча и что он прославляет военную доблесть. Истоки ислама — среди «воинственных племен бедуинов кочевников», и это «происхождение в среде насилия отпечаталось в фундаменте ислама. Самого Мухаммеда помнят, как закаленного воина и умелого военачальника». Подобного нельзя сказать ни о Христе, ни о Будде. Коран и прочие установления мусульманской веры содержат единичные запреты насилия, и в мусульманском учении и практике отсутствует концепция отказа от применения насилия.

Во-вторых, начиная с места его возникновения в Аравии, распространение ислама по Северной Африке и по большей части Среднего Востока, а позже и в Средней Азии, по Индостанскому полуострову и на Балканах приводило мусульман в тесный контакт со многими народами, которые были завоеваны и обращены, и наследие этого процесса сохраняется. Таким образом, сухопутная мусульманская и ответная не-мусульманская экспансии привели к тому, что мусульмане и не-мусульмане живут по всей Евразии в тесном физическом соседстве друг с другом. Наоборот, морская экспансия Запада обычно не приводила западные народы к проживанию в территориальной близости с не-западными народами.

Третий возможный источник конфликта – «неперевариваемость» мусульман и не-мусульман. Ислам даже больше, чем христианство, — абсолютистское вероисповедание. Он соединяет вместе религию и политику и проводит четкую грань между теми, кто находится в дар алислам, и теми, кто относится к дар алгарб. В результате последователи конфуцианства, буддисты, индуисты, западные христиане и христиане православные испытывают меньше трудностей, приспосабливаясь к совместной жизни друг с другом, чем те из них, кому приходится приспосабливаться к жизни с мусульманами.

Еще одним фактором, объясняющим как внутриисламские конфликты, так и конфликты вне его границ, является отсутствие в исламе одной или нескольких стержневых стран. Наконец, что самое важное, демографический взрыв в мусульманских странах и значительная доля в общей численности населения мужчин в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, зачастую не имеющих работы, является естественным источником нестабильности и насилия как внутри самого ислама, так и в отношении не-мусульман.

Глава 11. Динамика войн по линиям разлома

Единожды начавшись, войны по линиям разломов, подобно другим межобщинным конфликтам, имеют тенденцию жить собственной жизнью и развиваться по образцу «действие—отклик». Идентичности, которые прежде были множественными и случайными, фокусируются и укореняются; общинные конфликты соответствующим образом получают название «войн идентичностей». По мере нарастания насилия, поставленные на карту первоначальные проблемы, обычно подвергаются переоценке исключительно в терминах «мы» против «них», группа спланивается все сильнее и убеждения крепнут.

По мере развития революций умеренные, жирондисты и меньшевики проигрывают радикалам, якобинцам и большевикам. Аналогичные процессы обычно происходят и в войнах по линиям разломов. Умеренные, ставящие перед собой узкие цели, как, например, автономия, а не независимость, не добиваются своих целей посредством переговоров — которые почти всегда на начальной стадии терпят неудачу, — и их дополняют или вытесняют радикалы, стремящиеся к достижению куда более отдаленных целей насильственным путем.

В продолжающемся противостоянии между израильтянами и арабами, стоило поддерживаемой большинством Организации освобождения Палестины сделать несколько шагов в сторону переговоров с израильским правительством, как радикальная группировка «Хамас» поставила под сомнение ее верность палестинцам.

Резкий рост цивилизационных идентичностей произошел в Боснии, в особенности в мусульманской общине. Исторически общинным различиям в Боснии не придавалось большого значения; сербы, хорваты и мусульмане жили мирно, как соседи; обычны были межгрупповые браки; слабостью отличалась и религиозная самоидентификация. Однако едва распалась более широкая югославская идентичность, как эти случайные религиозные идентичности обрели новую значимость и, едва начались столкновения, новые связи упрочились. Многообщинность испарилась, и каждая группа все в большей степени идентифицировала себя с более широкой культурной общностью и определяла себя в религиозных терминах.

Усиление религиозной идентичности, вызванное войной и этническими чистками, предпочтения лидеров страны и поддержка и давление, оказываемые другими мусульманскими государствами, медленно, но верно превращали Боснию из балканской Швейцарии в балканский Иран.

Уровни вовлеченности стран и групп в войны, идущие по линиям разлома, различны. На главном уровне находятся те участники, которые фактически ведут боевые действия и убивают друг друга. В эти конфликты могут быть в то же время вовлечены второстепенные участники; обычно это государства, напрямую связанные с главными участниками, как, например, правительства Сербии и Хорватии в бывшей Югославии и правительства Армении и Азербайджана на Кавказе. Еще более отдаленно связаны с конфликтом третьестепенные участники, находящиеся много дальше от реальных сражений, но имеющие цивилизационные узы с его участниками; таковыми, к примеру, являются Германия, Россия и исламские страны по отношению к бывшей Югославии (рис. 6).

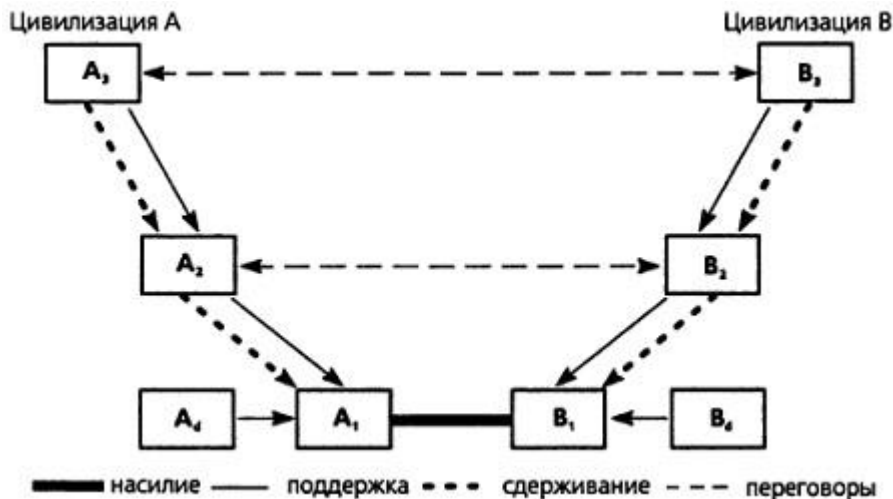

Рис. 6. Структура сложной войны вдоль линии разлома

Для войн по линиям разлома свойственны частые периоды затишья, договоренности о прекращении огня, перемирия, но вовсе не всеобъемлющие соглашения о мире, которые призваны разрешить основополагающие политические вопросы. Подобный переменчивый характер такие войны имеют потому, что корни их — в глубоком конфликте по линии разлома, который приводит к длительным враждебным отношениям между группами, принадлежащими к различным цивилизациям. В течение столетий они могут эволюционировать, и лежащий в первооснове конфликт может исчезнуть без следа. Или же конфликт будет исчерпан быстро и жестоко — если одна группа уничтожит другую. Однако если ничего из вышесказанного не произойдет, то конфликт продолжится, как продолжатся и повторяющиеся периоды насилия. Войны по линиям разлома являются периодическими, они то вспыхивают, то затухают; а конфликты по линиям разломов являются нескончаемыми.

ЧАСТЬ V. БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 12. Запад, цивилизации и цивилизация

Для каждой цивилизации, по крайней мере, единожды, а временами и чаще, история заканчивается. Народ убежден, что их государство есть последняя форма человеческого общества. Так было с Римской империей, с халифатом Аббасидов, с империей Великих Моголов, с Османской империей. Однако государства, предполагающие, будто для них история закончилась, обычно суть те государства, история которых начинает клониться к закату.

Цивилизации растут, как утверждала Куигли в 1961 году, «потому что у них имеется «инструмент для экспансии», а именно, военная, религиозная, политическая или экономическая организация, которая аккумулирует излишек и вкладывает его в производительную инновацию. Цивилизации приходят в упадок, когда прекращают «использование избытка для новых способов производства. Это происходит потому, что у контролирующих излишек социальных групп имеется привилегированная верхушка, которая использует его для «непроизводительных, но удовлетворяющих эго целей... которая распределяет излишки для потребления, но не обеспечивает более эффективных методов производства. В обществе начинают широко распространяться новые религиозные течения. Наблюдается нарастающее нежелание бороться за государство или даже поддерживать его посредством уплаты налогов».

Затем разложение приводит к стадии вторжения, «когда цивилизация, более не способная защищать себя, потому что она более не хочет защищать себя, оказывается беззащитной перед «захватчиками-варварами», которые часто приходят из «другой, более молодой, более сильной цивилизации». Однако важнейший урок истории цивилизаций состоит в том, что многие события вероятны, но нет ничего неизбежного.

В мире, где культурные идентичности занимают главное место, Западу вообще и Соединенным Штатам в частности следует опираться на три основания в своей политике. Во-первых, только принимая и понимая реальный мир, государственные деятели способны конструктивно изменять его. Однако, правительство США исключительно тяжело приспособилось к эпохе, в которой глобальная политика формируется культурными и цивилизационными течениями. Во-вторых,

американское внешнеполитическое мышление страдало от нежелания изменить, а иногда и пересмотреть политический курс, отвечавший потребностям времен «холодной войны». В-третьих, культурные и цивилизационные различия ставят под сомнение западную и в особенности американскую веру в универсальную значимость западной культуры.

Вера в универсальность западной культуры страдает от трех недостатков: она неверна; она аморальна и она опасна. Западный универсализм опасен для мира, потому что может привести к крупной межцивилизационной войне между стержневыми государствами, и он опасен для Запада, потому что может привести к поражению Запада. Западная цивилизация ценна не потому, что универсальна, а потому, что действительно уникальна. Следовательно, главная ответственность западных лидеров состоит вовсе не в том, чтобы пытаться изменять другие цивилизации по образу и подобию Запада — что выше его клонящегося к упадку могущества, — но, чтобы сохранить, защитить и обновить уникальные качества западной цивилизации. Следует осознать, что вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире.

Глобальная война, в которую будут втянуты стержневые страны основных цивилизаций мира, хотя и крайне маловероятна, но не исключена. Подобная война, как мы предположили, может произойти в результате эскалации идущей по линии разлома войны между группами, принадлежащими к различным цивилизациям, и наиболее вероятно, что с одной стороны в ней будут участвовать мусульмане, а с другой — не-мусульмане.

Чтобы избежать в будущем крупных межцивилизационных войн, стержневые страны должны воздерживаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях. Второе условие состоит в том, что стержневым странам необходимо договариваться между собой с целью сдерживания или прекращения войн по линиям разлома между государствами или группами государств, относящимися к их цивилизациям.

Если когда-нибудь человечество эволюционирует в универсальную цивилизацию, то она возникнет постепенно, через выявление и распространение ключевых ценностей этих общностей. В полицивилизационном мире нужно выполнение третьего правила — *правила общностей*: людям всех цивилизаций следует искать и стремиться распространять ценности, институты и практики, которые являются общими и для них, и для людей, принадлежащих к другим цивилизациям.